

Заметив, как потемнело лицо матери, Хан Чжо поспешно опустился на колени.

— Матушка, молю вас, не гневайтесь так, поберегите здоровье, — взмолился он.

При этом он так и не обмолвился, знал ли обо всём заранее или сам оказался в неведении.

Теперь, когда дело зашло так далеко, старой госпоже Хань стало предельно ясно: её дочь, добродетельная наложница Сянь-фэй, и старший сын, Хан Чжо, давно обо всём договорились. А то, что пятый принц Цзи Хуай лично доставил письмо, было лишь уловкой, чтобы подготовить её к неизбежному.

Глядя на распростёртого у её ног сына, который всем своим видом выказывал сыновнюю покорность, старая госпожа тяжело вздохнула. На её осунувшемся лице отразилась глубокая усталость.

— Стара я стала, — глухо произнесла она. — Вы теперь люди знатные, богатые. Куда уж мне... Конечно, незачем заранее совещаться со старухой.

— Матушка, не говорите так, прошу вас! Это я, ваш непутёвый сын, заставил вас тревожиться, — торопливо заговорил Хан Чжо, ловя её слова.

Слёзы покатались по морщинистым щекам старой госпожи, оставляя тёмные пятна на шёлковых рукавах её платья. С той самой минуты, как она вскрыла послание Хан Юнь, тяжесть не отпускала её грудь. Сердце сжималось от глухой тревоги, дурнота подступала к горлу, лишая сил.

Разгадать смысл письма Хан Юнь оказалось не так уж сложно. Все эти точки, черты и штрихи были их детской забавой. Когда Хан Юнь только вошла в императорский дворец, они с братом, опасаясь чужих глаз, превратили свои детские каракули в тайный шифр. Одна черта, одна точка, знак «человек» — у каждого символа было своё значение, понятное лишь им двоим.

В своё время Хан Юнь собиралась ввести в гарем Цзи Хуая старшую барышню, Хан Цинсюэ. Тогда она прислала точно такое же письмо, но на нём красовалась лишь одна горизонтальная черта, обозначающая старшую барышню. Теперь же наложница Сянь-фэй изменила решение: её выбор пал на Хан Минчжу. Четыре точки и одна черта указывали на обеих девиц — на старшую барышню Хан Цинсюэ и четвертую барышню Хан Минчжу.

Старая госпожа Хань лично занималась воспитанием Хан Цинсюэ. Внучка выросла кроткой, статной, с безупречными манерами, и все эти годы бабушка жила лишь одной мечтой — выдать её замуж за пятого принца, устроив пышную свадьбу, которой позавидовала бы вся столица.

Цинсюэ была на два года старше Цзи Хуая. Но поскольку из дворца ещё давно пришли обнадеживающие вести от Хан Юнь, семья Хань даже не помышляла подыскивать девушке

другого жениха, терпеливо дожидаясь окончательного решения.

И вот теперь Хан Юнь пошла на попятную. Для Хан Цинсюэ это известие станет громом среди ясного неба: мало того что заветное место супруги принца уплывало из рук, так ещё и возраст для девицы на выданье был почти упущен. При мысли об этом старая госпожа ощутила укол острой досады. Да, она знала, как нелегко приходится Хан Юнь в императорском гареме, пеклась о будущем Цзи Хуая, но сердце её болело и за послушную, разумную внучку, выросшую под её крылом.

То, что задумали Хан Чжо и Хан Юнь, безжалостно рушило всю судьбу Хан Цинсюэ, лишая её и семейного счастья, и высокого положения. К тому же мысль о том, что место супруги принца достанется Хан Минчжу, была для старой госпожи и вовсе невыносима.

В глубине души старая госпожа всегда делила детей на любимчиков. Хан Юнь, будучи императорской наложницей, в будущем могла вознестись на самую вершину власти, поэтому мать дорожила ею больше всего. Следом шли младший сын Хан Пин и младшая дочь Хан Сю: они жили далеко от столицы, и материнское сердце постоянно о них болело. А вот старший сын Хан Чжо, носивший титул герцога Хань, особой любви у неё никогда не вызывал.

Для неё всё было просто: Хан Чжо унаследовал герцогский титул и занимал высокий пост первого ранга, в то время как её второй сын, Хан Шу, оставался безвестным мелким чиновником, терпевшим вечные притеснения от сослуживцев. Естественно, материнская жалость всецело принадлежала второму сыну.

Не будь надежды на брак между Хан Цинсюэ и пятым принцем, семейство Хан Шу никогда не посмело бы вести себя столь вызывающе. А теперь посмотрите на них: разве Хан Юэчжун уже не пытается перетянуть на свою сторону остальных родственников? Словом, во второй ветви взрастили слишком непомерные амбиции.

Хан Чжо знал характер своей матери как никто другой. Едва заметив, как гамма чувств отражается на её лице, он мгновенно разгадал её мысли. Если покойная госпожа Ван в своё время была для старой госпожи скрытой занозой, от одного упоминания которой ту корбило, то Хан Сиэнь и Хан Минчжу превратились в открытые раны. Стоило этим двоим хоть в чём-то преуспеть, как старую госпожу буквально душила злоба.

Хан Чжо давно вышел из того возраста, когда сыновья соперничают за материнское расположение. Ещё тогда, когда он молча одобрил интриги Хан Юнь во дворце и травлю госпожи Ван, для него перестали существовать семейные узы — остались лишь величие герцогского дома да личная выгода.

Опустив глаза, Хан Чжо вкрадчиво заговорил:

— Матушка, у вас сердце разрывается, но неужели вы думаете, мне легко? Однако вы и сами видите, какое сейчас положение: император меня и слушать не желает. Из-за выходки третьего брата даже сестра Хан Юнь во дворце попала в опалу. Пятый принц сейчас в том

возрасте, когда решается его судьба. Если мы втянем его в наши неприятности и навлечём на него гнев государя, это обернётся непоправимой бедой и для нашего клана, и для добродетельной наложницы.

Старая госпожа Хань, разумеется, понимала его доводы, но одно дело — понимать головой, и совсем другое — смириться.

Хан Чжо меж тем продолжал давить:

— По правде говоря, мне всё равно, кто разделит ложе с пятым принцем — дочка второго брата Цинсюэ или, скажем, Цинюань. Но посмотрите, что творит этот негодник! — В его голосе прорезалась глухая злость, когда он заговорил о Хан Сиэне. — Он сейчас на хорошем счету у государя, а его безумные выходки не поддаются никакой логике. Если не обуздать его сейчас, мы все полетим в пропасть. За последнее время я окончательно убедился: у него нет ни стыда, ни совести. И в нашем доме осталась лишь Минчжу, чьё имя ещё способно его удержать от крайностей. Если она станет супругой пятого принца, то под присмотром нашей сестры этот мерзавец будет вынужден действовать с оглядкой. Он поумерит свой пыл и не подставит весь род Хань под удар.

Хан Чжо выдержал паузу и понизил голос до заговорщицкого шёпота:

— Здоровье Его Величества тает с каждым годом, а наследник престола так и не назначен. У пятого принца сейчас самые высокие шансы на трон. Нам нужно лишь перетерпеть год-другой, матушка. И тогда кто посмеет смотреть свысока на отпрысков дома Хань?

Старая госпожа прекрасно понимала, к чему он клонит. Злоба на Хан Сиэня вспыхнула в её груди с новой силой. Если бы не этот паршивец, разве её младший сын томился бы сейчас в темнице? А они, страшась высочайшего гнева и подозрений, даже не смели послать к нему доверенных людей, чтобы облегчить его участь!

В одном Хан Чжо был безусловно прав: пока этот щенок пользуется милостью государя, они связаны по рукам и ногам и вынуждены терпеть его капризы. Но стоит ему оступиться и лишиться покровительства, как они сотрут его в порошок.

Да и замужество Хан Минчжу сулило немалую выгоду. Оказавшись между законным супругом и родным братом, девчонка рано или поздно будет вынуждена сделать выбор. Но даже если она попытается остаться в стороне, её союз с пятым принцем неизбежно вклинится между ней и Хан Сиэнем глухим недоверием.

Пусть этот негодяй холоден как лёд и безжалостен к родне, к сестре он всё же питал какую-то странную слабость. А значит, Минчжу вполне сгодится на роль узды для бешеного пса, готового искусать любого на своём пути.

«Ну а если она окажется бесполезной... что же, в домах принцев частенько безвременно уходят

из жизни молодые жёны», — равнодушно подумала старая госпожа.

Приняв это решение, старая госпожа вновь разрыдалась, утирая лицо платком.

— Но как же наша бедная Цинсюэ... — всхлипнула она. — Какая горькая доля ей уготована.

Она и впрямь любила внучку, но эта привязанность была ничем по сравнению с величием и богатством рода Хань.

Хан Чжо лишь мысленно усмехнулся её напускной скорби. В его глазах Хан Цинсюэ, хоть и считалась перворождённой дочерью в герцогском доме, на деле оставалась лишь отпрыском мелкого чинуши пятого ранга. С какой стати девице столь скромного происхождения претендовать на ложе принца крови?

Супругами наследников престола должны становиться дочери великих канцлеров и ненаглядные жемчужины первых министров, не меньше.

Лишь из-за глупого желания укрепить связи внутри клана Хан Юнь затеяла эту нелепую игру. Да и кругозор у сестрицы всегда был узким, раз изначально её выбор пал на Цинсюэ. Вот если бы Хан Минчжу не была дочерью ненавистной покойницы Ван... Как его собственная старшая дочь, она подходила на роль принцессы куда больше кузины.

Впрочем, Хан Чжо ни единым жестом не выдал своих мыслей. Напустив на себя сочувственный вид, он согласно закивал:

— Не тревожьтесь, матушка. Цинсюэ — старшая дочь нашего дома. Мы непременно подыщем ей достойную партию, никто не посмеет обидеть её.

Старая госпожа измученно прикрыла глаза и со вздохом опустилась на подушки.

— Раз уж вы всё за меня решили, пусть будет по-вашему, — пробормотала она. — Но пока дело не слажено, держите язык за зубами. Цинсюэ ничего не должна знать.

Добившись своего, Хан Чжо успокоился. Судьба племянницы его нисколько не волновала.

Узнав о планах отца, Хан Сиэнь даже не удивился. Чего ещё ждать от человека, который ради тёплого местечка у власти когда-то предал законную супругу, а ради безупречного имени в обществе одной рукой ласкал первенца, а другой — подсыпал ему медленный яд? Для Хан Чжо не существовало запретных черт.

И всё же герцог просчитался. Причём дважды.

Прежде всего — он неверно оценил чувства Хан Сиэня к сестре. Пока Хан Минчжу не встала на сторону его врагов, он относился к ней с должным снисхождением и был не прочь протянуть руку помощи при необходимости.

Но если девчонка сама добровольно решит прыгнуть в объятия Цзи Хуая ради призрачного величия, то и остаткам его заботы — той самой, что он сохранял лишь из уважения к памяти прежнего хозяина этого тела, — придёт конец.

Быть благодетелем Хан Сиэнь не нанимался. Он просто выберет удобный момент и невзначай обмолвится перед сестрой о планах отца — якобы случайно подслушал их разговор. А там пусть сама решает. Мешать чужому счастью и рвению к богатству он не станет, но и позволить кому-то повесить у себя над головой дамоклов меч тоже не позволит.

В герцогском поместье никто не был слепцом. Хан Цинсюэ, навещая бабушку в её покоях, сразу почуяла неладное: старая госпожа вдруг окружила её такой приторной, удушающей заботой, какая той была совершенно несвойственна.

Мать девушки, госпожа Чжан, лишь отмахивалась от расспросов дочери:

— Не выдумывай глупостей, глупая. Наверняка из дворца пришли вести от добродетельной наложницы. Вот увидишь, твоя помолвка с пятым принцем уже не за горами!

От этих слов Цинсюэ заливалась краской смущения, но в глубине души её всё равно скребли сомнения. В поведении бабушки сквозило что-то горькое, совсем не похожее на предвкушение скорого торжества.

Тем временем Хан Минчжу, получив от брата весьма туманное и двусмысленное предупреждение, пришла в ярость. Будучи девушкой проницательной, она мгновенно разгадала грязный замысел тётки Хан Юнь. За те годы, что Минчжу провела в доме своей бабушки по материнской линии, она насмотрелась на повадки столичной знати и не питала к наложнице Сянь-фэй ни капли уважения.

«Вздумала вертеть мной как безмозглой куклой? — зло подумала она. — Ну уж нет, сначала попробуй заставь!»

Не откладывая дело в долгий ящик, Хан Минчжу велела запрягать экипаж и покинула усадьбу под привычным предлогом — навестить бабушку в поместье маркиза Цзинго. С тех пор как родственники по материнской линии вернулись в столицу, она частенько гостила у них. Обитателей герцогского дома так и корёжило от этих визитов, но открыто упрекнуть барышню в преданности родной бабушке никто не смел.

Когда Минчжу покидала стены усадьбы маркиза Цзинго, буря в её душе улеглась. Старая госпожа Ван пообещала разузнать всё через свои каналы. К тому же мудрая старуха успокоила внучку: из-за позорного ареста Хан Пина наложница Сянь-фэй сейчас сама дрожит от страха и ни за что не посмеет заикнуться перед государем о браке принца с девицей из рода Хань. Время работало на них.

А пока указ не скреплён императорской печатью, всегда можно найти лазейку и повернуть дело в свою пользу.

Единственное, что сейчас тревожило Минчжу, — это расспросы старой госпожи Ван о её брате. Бабушка ни о чём не просила прямо, но по её тоскливому взгляду было ясно: пожилая женщина всем сердцем желала хотя бы раз повидаться с Хан Сиэнем.

К счастью, тот по воле императора сейчас находился под домашним арестом и не мог покидать усадьбу, что давало Минчжу временную передышку.

Самому Хан Сиэню не было никакого дела до мышиной возни в усадьбе. Дни его текли размеренно и приятно. Инструктор Бай Шу по-прежнему раз в день перемахивал через глухую стену его двора — исключительно ради того, чтобы лично убедиться, что с хозяином всё в порядке.

Тем временем во дворце император лично допросил бывшего генерал-губернатора Чжоу Мааня. Главным свидетелем обвинения выступил гэр Янь Си.

В залах судебных заседаний не затихали споры: каждый день новые чиновники лишались постов и голов из-за дела о наводнении в Цзяннани. Тайный сыск безжалостно выкорчёвывал любого, кто имел хоть какое-то отношение к Чжоу Мааню. Стоило следователям обнаружить след былой дружбы, как чиновник отправлялся на плаху — в эти смутные дни самой мягкой карой для провинившихся была казнь без конфискации имущества.

Но главный вопрос оставался без ответа: в чьих сундуках осело золото из незаконных рудников Чжоу Мааня? Ищейкам государя удалось проследить путь караванов лишь до ворот столицы, а дальше след бесследно терялся. Сам бывший наместник на дыбе твердил, что понятия не имеет, кто стоял на вершине этой цепочки. Император рвал и метал от ярости.

Придворные — и гражданские мужи, и боевые генералы — вели себя тише воды, ниже травы. Каждый старался как можно ниже втянуть голову в плечи и лишний раз не открывать рта, опасаясь навлечь на себя высочайший гнев.

Грозовые тучи рассеялись над столицей лишь тогда, когда в город с победой вернулись третий принц Цзи Ло и сопровождавший его Цзи Юэ.

<http://bllate.org/book/20088/2002028>